

Читинский чабан, ставший Героем России, всколыхнул во мне воспоминания КЫЗЫЛКУМСКИЙ ДАСТАРХАН

НОВОСТЬ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ, которая не сходит с газетных страниц и экранов телевизоров: в Кремле Владимир Путин вручил звезду Героя России читинскому чабану Бабу-Доржи Михайлову.

Тот вывел из пожара 525 животных и остановил огонь. Он стал первым в новейшей истории России животноводом, удостоенным высшей награды Родины.

Это добрый знак. Наконец-то государство начинает достойно оценивать тех, кто создает материальные ценности. А то ведь орденами чаще отмечали бизнесменов, артистов, режиссеров, спортсменов. В советское же время даже седовласые старцы из Политбюро, любившие вешать себе цайки на грудь, не забывали ни про сталеваров, ни про доярок и тех же чабанов...

В 1983 году меня приняли на работу в УзТАГ-ТАСС собкором по Навоийской области. Первое задание из Москвы — сделать репортаж о чабанской жизни. ЦК КПСС готовило постановление о подъеме животноводства в стране. ТАСС планировало ко дню выхода важного партийного документа выпустить серию материалов о передовиках этой отрасли. В отделе сельского хозяйства обкома партии мне порекомендовали написать о совхозе имени XXII партсъезда Канмехского района.

— Это далеко, триста километров с гаком, а поближе передовых чабанов нельзя найти? — взмолился я. — У меня жесткие строки: через два дня репортаж должен быть в Москве.

— Транспорт арганизуем, там такой люди отличный работает, целых три Гироя Соцтруда, — успокоил обкомовский чиновник и стал накручивать телефонный диск.

Он связался с райкомом партии и поставил соответствующие задачи: как довести журналиста, как встретить и угостить, что показать и рассказать...

На другой день в девять утра у подъезда моего дома стояла новенькая белоснежная «шестерка».

— Азамат, секретарь парткома совхоза, мне дали команду доставить вас к нам, — протянул руку вышедший навстречу из машины смуглый казах лет сорока пяти. — Давайте ваши вещи.

Я протянул спортивную сумку, он открыл багажник и стал укладывать ее. Краем глаза я увидел, что багажник до упора забит всякой жратвой и бутылками с белыми и желтыми головками.

— Это кушать будем в дороге, — утолил мое недоумение парторг.

Примерно через час мы выехали на пустынную трассу бескрайних Кызылкумов. Нешадно палило майское солнце. Остановились, когда в радиаторе закипела вода. Водитель застелил капот большой мокрой белой тряпкой. Она мгновенно высохла, шофер продолжал беспрестанно смачивать ее. Азамат, суетившийся вокруг скатерти-самобранки, пригласил перекусить и тотчас налил по полстакана водки.

— Ой, извините, может, коньяк будете?

— Нет, лучше водку.

— Да, в такую жару легче водку.

Несмотря на сорокаградусный зной, теплая сорокаградусная водка пилаась легко. Азамат записывал ее зеленым чаем из термоса. Я же больше налегал на катык — кислое козье молоко, доведенное до творожной густоты. Намазывал им кусочек золотистой лепешки, делал бутерброд из свежих долек помидора и огурца, сверху пучок зеленой кинзы. Первый год, приехав в Узбекистан, терпеть не мог вонючей травки. Казалось, она пахнет клопами, а потом так привык, что никогда не садился за стол без нее. Особенно хороша кинза с тушеной бараниной или жареной рыбой.

— Станислав Александрович, кушай, не стесняйся, — призывал меня Азамат. — Это самса показавши, правда, холодная, но вкусная, а это казы — колбаса конская. На место приедем, все будет: шашлык-машлык, плов-млов, настоящий казахский бешбармак.

На трехсоткилометровом пути было еще три таких пикника. Прелюдия казахского гостеприимства, к моему удивлению, не сломила меня. Я с честью выдержал нелегкое питейно-закусочное испытание. На месте мы были часов в шесть вечера. Меня поместили в совхозной гостинице — одноэтажном здании с шестью комнатами, кухней и залом. На кухне что-то шкваркало, шипело и булькало. Витавшие в помещении запахи вызвали приятное чувство ожидаемой трапезы.

Через час мы уже ужинали с директором совхоза. Алибек только что вернулся из Ташкента с совещания, где обсуждали вопросы увеличе-

ФОТО ИТАР-ТАСС

ния поголовья овец в республике. Как раз та самая актуальная тема, освещать которую я приехал в отдаленный совхоз. В Навоийской области было восемь сельских районов. Одна «четверка» специализировалась на растениеводстве, другая — на животноводстве. В первых преобладало узбекское население, ну а овцеводство было за казахами.

Алибек, как и парторг, тоже хорошо говорил по-русски.

— Учился сначала в Ташкентском политехе, потом в Москве сельхозакадемию заканчивал, — «оправдался» он за приличное знание русского языка.

Директор оказался отличным собеседником, разбирающимся в политике. На любой вопрос имел свою точку зрения, зачастую резкую и категоричную. В разгар застолья наша беседа перетекала в русло, о котором принято говорить: «Это не для печати». Алибек возмущался, что сельским хозяйством руководят карьеристы с дипломами педагогов или выпускников партийных школ. Райком замучил директивами, заставляет рапортовать дутыми цифрами.

— Рисуем рекорды с приплодами, — зло сетовал директор, входя в раж предельного откровения. — Чабанам стыдно в глаза смотреть. Они матерят нас, когда узнают из газет, что их овцематки, по нашим «данным», «приносят» по шесть ягнят. И получается: на бумаге мяса много, а в магазинах пустые полки и талонная система. Вот в Ташкенте на совещании задание партии получил: за три месяца возвести в хозяйстве пруд и зарыбить его карпом. Какой пруд в центре пустыни? На весь совхоз восемь скважин: одна на центральной усадьбе, остальные — в чабанских бригадах.

Разгневанный директор ничего нового мне не сказал. Я и без него знал о приписках и махинациях, процветавших в республике. Это потом начнутся громкие «хлопковые дела» и станут известными на весь мир московские сыщики Гдлян и Иванов, которые приедут в Узбекистан ворошить преступные ульи. В тот же вечер меня тревожило другое: что я напишу о передовиках-чабанах для Москвы? Лихо закручу скандальный репортаж, где главным героем будет вспыльчивый директор, резавший правду-матку в глаза? Во-первых, поведу честного человека, которого система приучила к двурушничеству. Во-вторых, сам сработал, как говорится, на корзину: такой гласности в те годы партия от нас, журналистов, еще не требовала. В общем, грустная задачка и веселенький ребус.

На этой неопределенной ноте хозяйва оставили меня одного не только в номере, но и в гостинице: в тот день я был единственным командировочным.

Уставший до чертиков от долгой и пыльной дороги, от обильных угощений и горьких признаний директора, я собрался спать. Неожидан-

но в дверь постучали. Открываю. На пороге уже сильно захмелевший директор. В левой руке бутылка молдавского коньяка «Белый аист», в правой — целлофановый пакет с закуской:

— Станислав, ты хороший парень, ты понимаешь нас, давай выпьем...

На востоке отказать хозяину — значит обидеть его. Выпил с директором одну рюмку, вторую, третью. Удивительно: почему-то не пьянел, а директор с каждой стопкой приближался к состоянию космической невесомости.

— Станислав, ты развлекся хочешь? — заплетавшимся голосом спросил он меня.

— Я устал, даже телевизор не хочу включать.

— Ты не понял...

— Что, в сельский клуб привезли новый фильм? Или ваша самостоятельность концерт дает?

— У нас клуба нет, будем только строить. Я хочу, чтобы наша девушка доставила тебе удовольствие.

Такого сверхгостеприимства я не ожидал.

— Вообще-то, я сюда работать приехал...

Обмякший директор встрепенулся, стал протягивать руку, как бы извиняться.

— Станислав, только без обиды. Другие вот сами просят, а ты обиделся. Я не хотел, не хотел... А может, ты передумаешь?.. Подумай...

Я думал почти всю ночь. Но не об «этом». В номере было душно. Попытался распахнуть окно, но меня обожгло горячим ветром, вместе с которым в комнату полетели мелкие, но острые песчинки: в Кызылкумах песчаные бури не редкость. Они образуют завалы на дорогах, засыпают чабанские юрты и домики похлеще, чем снегом.

Утром, когда стихла пустынная буря, у гостиницы залязгали тракторные гусеницы. Выглядываю в окно: песку навалило почти под форточку, входная дверь не открывается. Минут через тридцать, вызволенный из песчаной неволи, я встретился с директором и парторгом. Попросил, чтобы они помогли по телефону связаться с ташкентским ТАССовским начальством. Дозвонились быстро. Сумбурно стал объяснять своему руководству о сложившейся ситуации, что победных поводов для репортажа в этом далеком совхозе нет.

— Повод всегда можно найти или придумать, — сказал мэтр советской журналистики, главный редактор Узбекского телеграфического агентства Ефим Соломонович Таубеншлаг, — и по весил трубку.

Что ж, спасение утопающего — дело рук самого утопающего. Объясню Алибеку, что я попал в безвыходную ситуацию, что невыполнение первого московского задания — конец моей карьеры.

— Не переживайте, Станислав Александрович, — дружески хлопает по плечу секретарь парткома. — Идемте лучше хорошо позавтракаем, немножечко выпьем и будем думать. Мы тебя не

бросим. Не переживайте. Че эта карьер-ера, карьер-ера... У нас вот в соседнем совхозе карьер есть, шебенку нам делает. Неделю назад мы с ним свадьбу играли.

— Что за свадьба с карьером?

— Не с карьером, а с их совхозом...

— Я чего-то не понимаю.

— А че понимать? В нашем совхозе есть чабан Айдар — Герой Социалистического Труда. Вот он и играл свадьбу с их совхозом — женил старшего сына на дочери ихнего Героя Социалистического Труда. Того тоже Айдаром зовут.

— Так вот он, информационный повод, — озабочился я и радостно обнял своего спасителя. — Азамат, рассказывай, рассказывай...

Директор совхоза тоже обрадовался и сказал секретарю парткома:

— Бери машину и езжайте со Станислав Александровичем к нашему Айдару.

И вот мы снова трясемся с Азаматом в белоснежных «Жигулях». Безумное журналистское воображение рисует картины предстоящей встречи с чабаном-героем, его сыном и невесткой. Я на седьмом небе от свалившейся как снег на голову удачи: найден шикарный информационный повод — лучше не придумаешь. Повод с человеческим лицом. Два знатных чабана женят своих детей. Уже родился заголовок: «Свадьба под звездным небом Кызылкумов».

Каково же было мое огорчение, когда, приехав к главным действующим лицам предполагаемого репортажа, мы не застали их на месте. Айдар в степи пас овец, а сын с невесткой уехали в Ташкент. Оба студенты, учатся в сельхозинституте.

— У них сессия начинается, — смущенно объяснила жена героя.

Азамат по радиации вызвал Айдара. Тот минут через пятнадцать появился у юрты на лихом коне. Загорелый. Лицо, пропаленное кызылкумским солнцем, черное как смоль. Познакомились. Парторг стал объяснять ему ситуацию. В ответ герой лишь разводит руками: мол, ничем не могу помочь, молодожены вернутся домой только через месяц.

— Хорошо, Айдар-ака, но вы же можете рассказать о свадьбе подробно сами, без жениха и невесты. Как свадьба проходила? Где дети познакомились? Какие у вас отношения с отцом невесты?

— Якши, якши, зур рахмат, — согласно кивает головой чабан и приглашает нас с Азаматом в юрту.

— Садитесь, сейчас старшую дочку позову, она вам все будет рассказывать, а я пойду барашку резать. Гостя из Москвы надо вкусно угощать.

Гуля, шестнадцатилетняя дочь Айдара, не повосточному была бойка и словоохотлива. Она достала конверт со свадебными фотографиями.

— Вчера только привезли, снимал лучший фотограф района, в районной газете работает, — похвалилась девушка и принялась рассказывать о себе.

Хорошо говорит по-русски, потому что с первого по седьмой класс училась в республиканском интернате, а десятилетку будет заканчивать в районном центре. И вообще, она мечтает учиться в Москве и выйти замуж за русского парня. Почему за русского, не объяснила и переключилась на свадебные впечатления. Пересказывала все в деталях и красках — хоть роман пиши...

А в соседней юрте нас ждал казахский дастархан. Многие блюда я видел первый раз, и моим кулинарным гидом был секретарь парткома. Поджаренную баранину с луком, пряностями и цавелем он называл «туршу коурма», а просто сваренное мясо в костном бульоне — «тары сорпа». Ну а непередаваемый вкус жареных мантов, политых национальным соусом, помню до сих пор...

Поздним вечером мы покидали «чабанское поместье» Героя Социалистического Труда, успев много поговорить и побывать в степи, где раскинулись кошары. Ночью в гостинице я сочинял репортаж о казахской свадьбе и трудной чабанской жизни, о маленьких радостях и мечтах этих простых людей, связавших свою судьбу с Кызылкумами — с их горячим солнцем, сыпучими песками и бездонным звездным небом.

Утром по телефону продиктовал репортаж в Ташкент, где его мастерски отредактировал Ефим Соломонович Таубеншлаг и отправил в ТАСС. Через неделю, когда вышло постановление ЦК КПСС, «Свадьбу под звездным небом Кызылкумов» опубликовали многие газеты не только в Узбекистане, но и за его пределами. Вот только животноводство после очередного «мудрого» постановления партии, к сожалению, в Советском Союзе не поднялось. А вскоре рухнула и великая страна...

СТАНИСЛАВ РУХМАЛЕВ.